

и слегка побив, закинули в пулеметный джип и повезли вглубь пустыни. Везли часа два. Потом была остановка и пересадка с джипа в какую-то барбухайку с тентованным кузовом. Хорошо хоть воды дали попить. После чего надели мешок на голову и, связав руки, запихнули в кузов. В этот раз ехали почти без остановок всю ночь. Куда именно, сказать невозможно, так как я перестал ориентироваться в направлении еще во время первой поездки. А уж с мешком на башке так и вообще... Невозможно было даже понять, кто находится в кузове, помимо меня. Но постепенно стало проясняться.

Судя по разговорам, здесь два араба-охранника и еще один человек. И не просто человек, а исходя из междометий, которые он пару раз издал во время наезда на особо большие кочки, пассажир был русским. Или татарин. Или бурятом. В общем, земляком. Правда, когда я попытался с ним заговорить, от араба тут же прилетела затрещина и гневная тирада, из которой можно было догадаться, что незапланированное общение на данный момент не приветствуется. Так и ехали до самого рассвета, по пути влившись в колонну большегрузных грузовиков. Это я на слух определил да по изменению скорости. А вот на рассвете по колонне долбанули с воздуха.

Сначала шарахнуло где-то впереди. Барбухайка тут же стала тормозить, а взрывы, наоборот, приближаться. Охрана, судя по быстро удаляющимся паническим воплям, нас покинула, и значит, пришло время действовать. Благо руки были связаны спереди, поэтому, содрав опостылевший мешок, я огляделся. Было уже вполне светло, поэтому сразу увидел рус-

скоговорящего пленника. Тот, также стянув с себя мешок, активно крутил седой головой. Поймав его взгляд, я задал лишь один вопрос:

— Земляк?

Седой кивнул и тут же предложил:

— Надо быстро отсюда уходить, а то накроет. Ты как?

Как, как? Каком кверху! Вместо ответа я выскочил из кузова и тут же присел. Ух ты, какая смачная картинка! Впереди, густо чадя, горели три здоровенных наливняка. Еще два, пока целые, стояли на дороге. Только, похоже, недолго им целыми быть, так как пара штурмовиков уже заходили на цель. Что такое атакующие штурмовики, я знал не понаслышке, поэтому, лихорадочно оглядываясь в поисках укрытия, закричал:

— Валим! Валим! Валим!

После чего мы вдвоем рванули к обочине. Ну как к обочине... Вокруг по-прежнему простиралась эта долбаная каменистая пустыня, да и дорогу дорогой можно было назвать очень условно. Так — направление. Поэтому понятно, что кюветов там никаких не было, и мы просто побежали прятаться за небольшой холмик, возвышающийся метрах в пятидесяти от грузовика. И в этот момент опять загрохотало.

Пришлось падать куда придется. Причем недалеко от нас залег какой-то бармалей, прибежавший от основной колонны. Видно, тоже за холм стремился свалить. Не водила, так как на нем присутствовали разгрузка и прочий боевой обвес. Автомата, правда, не было. Наверное, оружие воину аллаха мешало быстро передвигаться, вот он его и оставил где-то там.

И тут вдруг я увидел, что буквально в нескольких шагах от нас почва ссыпается в какую-то щель. Довольно узкую щель, но места спрятаться должно хватить. Судя по всему, там, под землей, промоина или еще какая пустота была, а от близких взрывов ее и вскрыло. Даже не думая о глубине получившейся дырки, я пихнул коллегу по несчастью и на четвереньках поскакал к спасительному провалу. Почему спасительному? Да потому что сейчас самолеты доработают ФАБами и вот потом от души причешут НУРСами. И никакие холмики не спасут. Опыт есть. Видел я уже такое. А в этой щели шансы возрастают многократно. Еще в плюс — тут хоть и небольшое, но видимое повышение рельефа, так что разлившаяся с цистерн горючка сюда не должна дотечь.

Бармалей, что характерно, тоже заметил место возможного спасения, и мы с ним столкнулись уже возле края щели. Он попытался меня отпихнуть, но тут уже было не до сантиментов, поэтому я, ухватив его связанными руками за ляжку разгрузки, сразу вlepил лбом в тонкий, хрящеватый нос. Араб потерялся, начав заваливаться на спину. Я его не отпустил, и мы, чуть не застряв на входе, вместе заскользили куда-то в глубь земли. Успела мелькнуть мысль: «Что-то долго падаем», но проехав буквально метра четыре и немного пролетев по воздуху, наша слипшаяся парочка шлепнулась на землю.

Света было очень мало. Пыли было очень много. Не обращая на все это внимания, я, сцепив руки, принялся лупить лежащего подо мной бармалея по морде. Тут ведь вариантов нет. Если он хоть немного очухается, то тупо меня на колбасу пошинкует. Ви-

дел я у него на обвесе мясорез внушительного размера. Так что нельзя ему давать отвлекаться. В этот момент, больно ударив по спине ногой, на нас свалился мой седовласый земляк. Хорошо еще он долго рассоливать не стал, а подобравшись сбоку, вытянул нож у противника и довольно умело ткнул им вражину в бок. Тело подо мной несколько раз дернулось и, вытянувшись, замерло.

Я же, переводя дух, так и продолжая сжимать труп коленями, лишь выпрямился и протянул вперед связанные руки. Напарник только успел перерезать веревку, как наверху шарахнуло совсем уж за пределами. Меня даже на какое-то время вырубил. И это под землей! Что там наверху творится, даже и знать не хочу. А когда очухался, вокруг была тьма тьмуцая. Грохот разрывов слышался приглушенно, зато сотрясение почвы ощущалось хорошо. Пытаясь вздохнуть, закашлялся и, сплюнув в сторону, спросил:

— Это что такое было?

Невидимый в темноте земляк завозился и, также кашляя, ответил:

— Кажется, ничего хорошего. Похоже, бомба разорвалась совсем недалеко и наше укрытие завалило.

— Ну-ну! Без паники. Если б завалило, то мы бы сейчас не разговаривали. А так, похоже, просто ту щель сверху немного засыпало. Подождем, когда все утихнет, и раскопаемся. А сейчас давай жмурика на предмет ништяков осмотрим.

Остывающий бармалей, помимо всего прочего, одарил нас довольно неплохим светодиодным фонариком. Но один фиг, ничего видно не было. Пыль стояла сплошной стеной. Поэтому, стараясь особо

не дышать и натянув одежду на голову, мы стали дожидаться окончания штурмовки. Какое-то время сидели молча, потом я не выдержал:

— Тебя как звать-то, путешественник?

Напарник завозился, кашлянул куда-то в глубь одежды и ответил:

— Зови Иваном, не ошибешься.

— А меня Чу.. э-э-э, Артемом кличут. Будем знакомы.

На ощупь найдя ладонь Ивана, пожал ее. Опять помолчали, прислушиваясь к канонаде. Земля тряслась уже не столь активно, и многоопытный седой предположил:

— Похоже, НУРСами полируют.

— Похоже... Слушай, земляк, а ты вообще чьих будешь?

Мой вопрос был, конечно, на грани. Особенно для здешних широт. Поэтому собеседник ответил обтекаемо:

— Государев человек.

Я хмыкнул, но уточнять не стал. Сказано вполне достаточно. Тут или спецы, или «консерватория»¹. А может, вообще «слово и дело». Или еще несколько не менее интересных организаций. Но разница не очень большая. Главное, тот факт, что мужчина под погонами. А исходя из возраста, под солидными погонами. Минимум полковник, а то и выше бери.

Иван, в свою очередь, поинтересовался:

— А сам-то?

¹ *Консерватория* — Военная академия МО РФ (бывшая военно-дипломатическая академия).

— Не... я вольный стрелок. Под этот замес вообще случайно попал. Приехал по делам фирмы и в дороге налетел на диких. Они меня сразу не шлепнули, только потому что бледнолицый. Ну а потом, видно, решили захваченного русского более высокому начальству передать...

Иван недоверчиво хмыкнул и затих. А я только плечами пожал. Правильно человек делает, что не доверяет. Да и мне не с руки всю правду говорить. У каждого свои секреты. Вот пусть они секретами и останутся.

Так, потихоньку прощупывая друг друга, и провели время. Бомбежка давно прекратилась. Постепенно пыль более-менее улеглась и появилась возможность дышать, не заходясь в кашле после каждого вдоха. Мы вынырнули из своих коконов, с целью сделать обследование на предмет самовыкапывания и осторожной разведки местности. Только вот стоило вдумчиво осветить потолок пещерки, как выяснилось, что наши дела не просто плохи. Нам, можно сказать, кирдык настал.

Начнем с того, что это вовсе не естественная полость. Это оказалось искусственное сооружение из здоровенных базальтовых блоков. В смысле — стены из блоков, а потолок — из не менее солидных каменных плит. И теперь в том месте, откуда мы сюда скатились, был не завал из земли, а две плиты. Одна лежащая боком, а вторая торцом. В торце видимая толщина внушала уважение. Таковую плиту не всякий отбойный молоток возьмет. А главное, нигде не видно земли, в которую можно было бы забуриться. Эти четыре-пять метров до поверхности мы бы ножом,

когтями и зубами прогрызли. Но нас окружал лишь камень, а та куча земли, насыпанная сверху еще до закрытия убежища, тоже лежала на каменном полу. И теперь наше чертово убежище превратилось в склеп.

Когда я это осознал, в истерику не впал только потому, что стало неудобно перед седым. Поэтому, запихнув внутрь пытающиеся вырваться из глотки вопли, маты и возможно даже слезы, просто сполз вдоль стенки и уселся на пол, тупо глядя перед собой. Да уж... всякое в жизни бывало, но чтобы закончить свои дни, будучи заживо похороненным где-то в жопе мира, я никак не рассчитывал.

Иван тем временем, видно на что-то надеясь, неутомимо обследовал место завала. Хотя чего там смотреть? И так все ясно... В конце концов, устав подпрыгивать и ковырять потолок, он тоже опустил рядом со мной. Помолчали. Потом он тусклым голосом спросил:

— Как считаешь, мы еще в Сирии или уже в Ираке?

Я вздохнул:

— Черт его знает. Слишком долго ехали. Может, и до Ирака довели. Одно могу сказать точно — мы под землей. Из жратвы только два трофейных «сникерса». Из воды — неполная фляга с бармалея. Дней пять протянем...

Седой покачал головой:

— Уже завтра наш ближневосточный друг начнет активно разлагаться. Помещение совсем небольшое. Мы тут с ума сойдем от вони.

Я равнодушно пожал плечами:

— Ну, есть еще нож. Ты им работать умеешь. Я тоже. Как станет неважно, так всегда можно бу-

дет воспользоваться. Могу даже первенство уступить, если хочешь...

Напарник мрачно посмотрел на зажатый в своем кулаке клинок и внес контрпредложение:

— Погодим пока с грехом самоубийства. Ты вон туда глянь, — Иван посветил на дальнюю стену. — Видишь, там на стене узор, как будто арка выложена? И внутри этой арки не блоки, как на стенах, а кирпичи. Ну, то есть блоки, конечно, но гораздо меньшего размера. Может, там какое-то помещение было? Которое потом запечатали?

Я пару секунд вглядывался туда, куда показывал седой, а потом, молча вытянув нож из руки Ивана, пошел к противоположной стене. Хм, действительно... Большие блоки имеют видимый размер где-то метр на шестьдесят. Значит, можно предположить, что и в глубину тоже шестьдесят. Скреплены между собой на каком-то известковом растворе. Длина клинка у нашего ножа сантиметров тридцать. То есть ковырять раствор на больших блоках бессмысленно. Недоковыряем. А тут в арке уложены блочки размером чуть больше стандартного кирпича. Так что все должно получиться! И я очень надеюсь, что там нет никакой комнаты, а будет просто земля. Уж землю-то мы прокопаем до самого верха. Ну, а если не повезет и будет ход в другое помещение, что же... Будем смотреть дальше. Во всяком случае, надежда появилась. А вместе с ней и угасшие было силы.

Пока эти мысли крутились в голове, я уже остервенело, но при этом по возможности аккуратно (не дай бог лезвие сломается) начал шкрябать окаменевший раствор между кирпичами. Царапалось мед-

ленно, но горка пыли под ногами росла и росла. Потом меня сменил Иван. Потом я его. В общем, сколько времени мы возились с первым кирпичом, сказать затрудняюсь (так как часы, телефоны и прочие полезные вещи у нас прихватизировали шустрые арабы). Но в конце концов упорство победило, и каменный брусок был извлечен из стены. Я тут же сунулся к дырочке с фонариком. Несколько секунд разглядывал открывшуюся картину, а потом, передав фонарь напарнику, озвучил обуревавшие меня чувства:

— Вот же сука!

За стеной была не земля. Там была другая комната.

Седой как смог утешил:

— Ничего, ничего! Сейчас туда попадем, глядишь, и там что-то увидим. Тут главное много кирпичей не выламывать. Сделаем лаз — только чтобы пролезть. А потом обратно заложим. Так мы от нашего запашистого друга и избавимся.

Бармалей, лежащий в углу и насколько возможно присыпанный землей, которая нападала, когда мы сюда только провалились, уже пусть еле ощутимо, но пованивал. Поэтому увеличив скорость, мы приступили к дальнейшим работам. Сейчас дело пошло заметно быстрее, и в конце концов я, как более худой, скользнул в отверстие. Осветив помещение, выругался. Просматриваемого выхода не было. Комната была уже не комнатой, а целым залом. Посередине стояли какие-то невысокие, но широкие постаменты, в количестве трех штук. Постаменты были покрыты затейливой резьбой. Стены тоже были украшены фигурными завитушками и прочими украшениями. Да

еще и раскрашенными. Но все это великолепие разбивалось о то, что оно было нанесено на блоки! Причем блоки были как бы не больше по размеру, чем предыдущие. Утешало одно — я уже увидел еще одну заложенную арку, которую можно вскрыть.

В общем, перебрались мы в этот зал. Перетащили все необходимое. А потом дружно погадили в предыдущем месте обитания. После чего быстренько поставили на место кирпичи и зашпаклевали щели предусмотрительно снятыми с араба шмотками. Распустили их на ленточки и зашпаклевали. Теперь, во всяком случае, смерть от трупного смрада нам не грозит. Закончив труды, съели по кусочку «сникерса» и смыли мерзкий привкус заморского лакомства парой глотков из фляги. Попутно стали обследовать помещение. Нет, фронт работ и так был понятен — вон та арка. Но мы уже устали как собаки. Во всяком случае, я — точно. Сами посудите — вчера меня захватили. Следом бессонная ночь. А теперь уже, наверное, время к вечеру — вот глаза и слипаются. Иван вон тоже зевает с подвыванием, правда, деликатно прикрываясь ладонью.

Вдруг напарник, который уже подошел к одному из постаментов, застыл над ним и пробормотал себе под нос:

— Хм... странно...

Я заинтересовался:

— Чего там?

— Да вот. Сам посмотри.

Посмотрел. Действительно, странно. Постамент оказался не совсем постаментом. Скорее, какой-то непонятной ванной. Высотой он был сантиметров